

Разсказъ семидесятилѣтнаго старика о Императорѣ Николаѣ I-мъ.

До настоящей минуты я никогда не писалъ для печати. Служилъ на разныхъ службахъ и отдавалъ имъ все свое время. Теперь же, будучи свободнымъ отъ службы, мнѣ захотѣлось разсказать о тѣхъ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, которые могутъ служить дополненіемъ къ характеристикѣ грознаго рыцаря XIX вѣка Императора Николая I-го.

Мы—столбовые дворяне Курской губерніи, обѣдѣвшіе отъ процесса моего прадѣда съ богатыми родственниками, захватившими у него много земли и лѣса. Процессъ этотъ, затертый въ судахъ того время, былъ при жизни моего дѣда дважды возобновляемъ по приказанію самого Государя Николая, но все-таки до смерти дѣда не довелъ ни до чего и тѣмъ дѣло кончилось.

Дѣдъ мой Ефимъ Михайловичъ Звегинцовъ былъ отправленъ своимъ отцомъ, живущимъ въ деревнѣ, въ Петербургъ служить рейтъ-нажемъ при дворѣ Императрицы Екатерины II-ой. У дѣда была одна страсть—любовь къ лошадямъ, не ослабѣвшая до его смерти. Отправляя дѣда въ Петербургъ, отецъ его далъ сыну: 1) письмо къ гр. Орлову, котораго почему-то зналъ, 2) хорошую лошадь, 3) два золотые, 4) образокъ и 5) завѣтную нагайку, которую дѣдъ хранилъ до своей смерти, какъ святыню. На прощанье прадѣдъ хорошо всыпалъ дѣду нагайкою, приговаривая: „служи хорошо Царицѣ, иначе ты мнѣ не сынъ“.

Какъ протекала жизнь моего дѣда и его служба, не знаю. Изъ разсказовъ его старшему сыну, моему отцу, знаю только, что его очень любилъ гр. Орловъ за его силу и что они про-

бовали ударомъ кулака между рогами сбивать съ ногъ воловъ, въ чемъ дѣдъ первенствовалъ, хотя дѣдъ былъ, какъ и всѣ мы, роста средняго, но широкъ въ плечахъ.

Въ моментъ воцаренія Императора Николая I-го дѣдъ былъ уже давно унтеръ-шталмейстеромъ, и Императоръ, въ несчастный день 25-го декабря, поручилъ ему приготовить перевозку изъ Зимняго дворца въ Аничкинъ своего первенца, будущаго Императора Александра II.

Насколько Императоръ Николай могъ быть добродушень, справедливъ и любилъ людей, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Не всегда онъ былъ суровымъ деспотомъ.

По своей должности дѣдъ являлся ежедневно въ 7 часовъ утра къ Государю въ его кабинетъ за приказаніями. Однажды дѣдъ засталъ въ кабинетѣ Государя прибывшаго раньше В. К. Михаила Павловича. Оба чему-то смѣялись. Отдавъ приказанія дѣду, Государь вдругъ сказалъ ему:

„Правду ли говорятъ, что ты неимоვნно силенъ?“

„Ваше Величество, теперь я старъ, а когда былъ молодъ, то пробовалъ ударомъ кулака въ лобъ сбивать съ ногъ вола“.

„Шутишь, старый“, сказалъ Государь, и, мигнувъ Михаилу Павловичу, прижалъ вмѣстѣ съ нимъ дѣда въ уголъ печки.

„Ну-ка отбойрися“, сказалъ Государь.

„Боюсь сдѣлать больно, Ваше Величество“.

„Шутишь, старый, попробуй“ и Государь засмѣялся.

Тогда дѣдъ взялъ Государя и Великаго Князя за руки выше локтей, и оба отскочили.

Государь ни на слѣдующій день, ни послѣ не вспоминалъ дѣду про эту шутку, но В. К. Михаилъ Павловичъ, встрѣтивъ на слѣдующій день дѣда во дворцѣ, добродушно сказалъ ему: „Спасибо, Ефимъ Михайловичъ, я какъ вчера снялъ мундиръ, увидалъ на рукѣ твою память—пять кровавыхъ пятенъ“.

Насколько Государь бывалъ иногда милостивъ, видно изъ слѣдующаго.

Императоръ почти ежедневно выѣзжалъ изъ Зимняго дворца около полудня, или просто кататься, или для посѣщенія институтовъ, корпусовъ и разныхъ учреждений. Ѣздилъ онъ большею частью одинъ: лѣтомъ въ дрожкахъ или коляскѣ, зимою въ одиночныхъ саняхъ. Ѣздить онъ любилъ скоро. Зимой, проѣздивши нѣкоторое время, онъ часто заѣзжалъ въ Аничкинъ дворецъ, гдѣ для него имѣлись всегда наготовѣ сани со свѣжею лошадыю и однимъ и тѣмъ же молодымъ кучеромъ.

Однажды зимою, перемѣнивъ экипажъ въ Аничкиномъ дворцѣ, онъ поѣхалъ по направленію къ Казанскому собору и на самомъ углу Невскаго и Казанской велѣлъ повернуть налѣво по Екатерининскому каналу. Поздно ли было отдано приказаніе, или что попало подъ полозъ саней, но на поворотѣ сани опрокинулись, и Государь выпалъ изъ нихъ. Вскочивъ сейчасъ же на ноги, онъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ дальше. Сѣвъ въ сани, сказалъ кучеру: „дуракъ“.

Проѣздивъ нѣкоторое время и подъѣзжая къ Зимнему дворцу, Государь приказалъ кучеру: „не смѣть докладывать Ефиму Михайловичу, что ты меня опрокинулъ“.

Кучеръ, ожидавшій, Богъ знаетъ чего, за свою оплошность (онъ самъ мнѣ разсказывалъ этотъ случай, бывши уже кучеромъ при Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ, дочери Императора Александра II, и подтверждалъ этотъ разсказъ мой покойный отецъ), высадивши Государя, вернулся въ Аничкинъ дворецъ, гдѣ во флигелѣ жилъ и дѣдъ; по заведенному порядку явился къ нему и доложилъ, что все благополучно. Страшно было (разсказывалъ онъ мнѣ) соврать Ефиму Михайловичу: вранья онъ шибко не любилъ, онъ былъ добръ, но держалъ всю конюшню Царя, ой, въ какихъ ежевыхъ рукахъ, и старшихъ и младшихъ; но всѣ его любили за справедливость. Зналъ я, что онъ обо всемъ узнаетъ и тогда можетъ быть мнѣ худо, но не смѣлъ ослушаться Царя.

Въ тотъ же день, вскорѣ послѣ этого, дѣдъ, любившій самъ покупать закуски къ обѣду, пошелъ въ излюбленный 2-й номеръ Милютиныхъ лавокъ.

Купцы съ соболѣзнованіемъ стали разспрашивать его про случай съ Государемъ, бывшій на ихъ глазахъ. Дѣдъ сейчасъ же вернулся домой, гдѣ узналъ отъ кучера, почему тотъ ему совралъ, доложивъ, что все благополучно.

Явившись сейчасъ же въ Зимній дворецъ, дѣдъ изъ устъ Государя услышалъ: „кучера ты не трогай, я самъ виноватъ; я и далѣе буду съ нимъ ѣздить“.

У Государя были и фантазіи, которыя понятно надо было исполнять.

Зная, что у дѣда при большой семьѣ (2 сына и 3 дочери) средствъ кромѣ жалованья нѣтъ, Государь подарилъ ему въ Царскомъ Селѣ, противъ дворцоваго парка, участокъ земли для постройки дома и сказалъ, что самъ посмотритъ домъ. Домъ былъ быстро построенъ, деревянный, двухъэтажный, довольно

большой. Строилъ его мой отецъ, тогда еще военный инженеръ. По окончаніи постройки Государь, дѣйствительно, заѣхалъ осмотрѣть домъ, остался въ общемъ доволенъ, но не понравилась ему деревянная лѣстница во 2-й этажъ и онъ велѣлъ сдѣлать вмѣсто нея каменную. Это, понятно, было исполнено, стоило дѣду очень дорого, и явился деревянный домъ съ каменною лѣстницею.

Доказательствомъ, насколько Государь любилъ и цѣнилъ вѣрныхъ ему людей, служить слѣдующее.

Дѣдъ умеръ скоропостижно въ конторѣ своей въ Аничкиномъ дворцѣ, только-что вернувшись изъ Царскаго Села, гдѣ тогда жилъ Государь. Государь и въ Царскомъ ежедневно ѣздилъ кататься и часто спрашивалъ у кучера „что новаго“. Такимъ образомъ онъ иногда узнавалъ вещи, объ которыхъ никто бы ему не рассказалъ. И въ день смерти дѣда онъ задалъ кучеру тотъ же вопросъ.

„Скверная новость, Ваше Величество, Ефимъ Михайловичъ умеръ“.

„Если ты совралъ, то въ солдаты. Ворочайся во дворецъ“.

Оказалось, что извѣстіе привезъ фельдшеръ, пріѣхавшій передъ самою отправкою Государя на прогулку, и ему еще объ этомъ не доложили. Выслушавъ докладъ, Государь сказалъ:

„Завтра кататься не поѣду. Чтобы всѣ (конюшенные) были на панихидѣ старика“.

Ефимъ Михайловичъ жилъ, какъ я уже упоминалъ, въ Аничкиномъ дворцѣ во флигелѣ, въ 3-мъ этажѣ по довольно скверной лѣстницѣ, но въ большой квартирѣ въ 7 комнатъ.

На панихидѣ по дѣду на слѣдующій послѣ его смерти день квартира понятно была переполнена.

Когда присутствующіе разошлись и у гроба оставался мой отецъ одинъ, въ прихожую вдругъ открылась дверь и вошелъ Императоръ, въ сопровожденіи гофмаршала Аничкина Наслѣдника Цесаревича дворца (живущаго тамъ же), сбросилъ на полъ шинель и, увидѣвъ гробъ, не сказавъ ни слова, подошелъ къ тѣлу покойнаго, опустился на одно колѣно, довольно долго молился, поднялся на катафалкъ, откинулъ кисею, закрывавшую лицо покойника, поцѣловалъ его въ лобъ,—перекрестилъ, самъ опять закрылъ кисею, сошелъ съ катафалка и, увидѣвъ приведенную старуху (жену дѣда), поклонился ей.—Обернувшись тогда къ моему отцу, служившему уже въ то время въ личной конторѣ Наслѣдника Александра Николаевича казначеемъ, и котораго Государь зналъ еще по Инже-

нерному департаменту, какъ отличнаго чертежника, Императоръ сказалъ:

„Чтобы обо всемъ, что нужно семьѣ, ты доложилъ мнѣ, она будетъ обезпечена;—похороны за мой счетъ“.

Выходя изъ квартиры покойнаго, Государь громко сказалъ ожидавшему его гофмаршалу:

„И по такой лѣстницѣ долженъ былъ ходить мой старикъ,—спасибо, д.....“

Я родился въ 1844 г. и понятно обо всемъ вышензложенномъ знаю только 1) изъ рассказовъ и записокъ моего отца (къ сожалѣнію пропавшихъ при моихъ многочисленныхъ переездахъ) и 2) изъ рассказовъ кучера, вывернувшего около Казанской Императора, который до своей смерти приходилъ поздравлять моего покойнаго отца съ Новымъ Годомъ и Пасхою.

Да! Таковъ былъ Императоръ Николай Павловичъ—рыцарь-деспотъ.—Онъ зналъ людей, умѣлъ оцѣнить ихъ—жертвовать ими, когда это, по *ею* взглядамъ, нужно было, но и умѣлъ жертвовать *собою*, когда это оказывалось нужнымъ для пользы Россіи.

Написалъ по воспоминаніямъ и рассказамъ

А. Звегинцевъ.

